

Староста

Ветка шелковицы в руках Су Лина всю дорогу притягивала к нему деревенскую детвору, и к тому моменту, как они дошли до цели, на ней не осталось ни ягодки.

Юноша питал к этим сорванцам странную симпатию — это были те самые дети, которых Ши Цинъюнь когда-то едва не утянула за собой в реку. Сейчас они, словно шустрые обезьянки, сновали повсюду, забираясь в горные пещеры и карабкаясь на самые высокие деревья. Летом в лесу комары лютовали нещадно, и шеи да руки мальчишек были сплошь покрыты зудящими красными волдырями.

Глядя на них, Су Лин и сам начинал ощущать неприятный зуд.

В такой зной вместо того, чтобы лазать по горам, следовало бы целыми днями не вылезать из прохладной воды. В детстве он отчаянно завидовал сверстникам, плещущимся в реке Лунтань, но из-за слабого здоровья А-фу строго-настрого запрещал ему даже подходить к берегу. Эта несбывшаяся мечта так и осталась одним из самых горьких сожалений его юных лет.

— Староста разрешает купаться только под присмотром взрослых, — наперебой объясняли дети. — Раньше река часто забирала людей.

Они смеялись, совершенно не заботясь о завтрашнем дне, но в их голосах всё же проскальзывала робость. Мальчишки окружили Су Лина, заглядывая ему в лицо чистыми, доверчивыми глазами — было видно, что Братец Лин им искренне нравится.

Перебросившись с сорванцами парой слов, юноша вместе с Су И подошёл к дому главы деревни.

Жилище представляло собой двухэтажное здание на сваях, примостившееся у самого подножия горы. Трещины на потемневшем дереве красноречиво свидетельствовали о том, что дом пережил немало бурь и передавался из поколения в поколение. Первый ярус служил местом для хранения дров и загоном для скота, а жилые комнаты располагались на втором этаже, примыкая к просторному двору.

Стоило Су Линю войти, как он обнаружил там старейшин клана. Судя по нахмуренным лбам, они обсуждали нечто важное.

Староста, мужчина лет пятидесяти с небольшим, был облачён в длинный халат из грубой синей ткани. Он неторопливо посасывал трубку, выпуская изо рта колечки тающего дыма. Табак в этих краях считался вещью диковинной и дорогой, особенно здесь, на юго-западе. Несмотря на запреты правительства, в городе Цинши курение стало признаком достатка:

любой мало-мальски уважаемый человек считал своим долгом носить за поясом изящный чубук.

Услышав шаги, хозяин поднял голову и, щурясь сквозь дымную завесу, спросил:

— Это Братец Лин пришёл?

Юноша кивнул и вежливо поздоровался. Его взгляд на мгновение задержался на отполированном до блеска курительном приборе, но он промолчал. Когда Су Лин был совсем маленьким, отец не раз советовал Ши курить поменьше, предупреждая о вреде для лёгких и печени. Однако тот лишь отмахивался, утверждая, что табачный жар — лучшее средство против горной сырости и ревматизма, а заодно и верный способ отогнать злых духов и укрепить мужскую силу.

Су Лин до сих пор помнил тот пренебрежительный взгляд, которым староста тогда одарил его отца. Лекарю-самоучке из захолустья следовало бы побольше читать книг, а не давать советы дельным людям — казалось, говорил этот взгляд. На торговле травами долго не протянешь.

Воспоминание прервал резкий приступ кашля, сотрясший главу деревни.

— Эх, старина Ши, — заметил один из старейшин, — кашляешь ты знатно, стоит лишь к трубке приложиться. Бросил бы ты эту затею.

— И не подумаю! — отрезал тот. — Вчера в городе на совете у каждого главы за поясом чубук был. Негоже мне позорить деревню Уси. К тому же ноги ноют нещадно, а подымишь — и вроде легче становится.

Он снова глубоко затянулся и медленно выдохнул густое облако.

— Давно кости так не крутило. Видать, погода сменится, ливень будет.

Закончив, староста смерил Су Линя долгим, многозначительным взглядом.

— А ведь ты, гээр, теперь и в уезде на счету.

Остальные присутствующие тоже обернулись к юноше, и их взгляды тут же переместились на рослого мужчину, стоявшего рядом с ним. Су Лин инстинктивно сделал шаг к Су И, пытаясь заслонить спутника от их любопытства.

— Я купил его законно, — с вызовом произнёс он, глядя на Ши. — Все бумаги оформлены в управе.

Староста положил трубку на стол и заговорил тоном строгого наставника:

— И зачем он тебе? Ты — неженатый гээр, о репутации совсем не думаешь? Замуж-то собираешься или как?

Су Лин вскинул подбородок, напоминая задиристого молодого петушка, готового в любой миг ринуться в драку.

— Раба покупают для работы. А замуж я не собираюсь. В крайнем случае, буду платить подушный налог, невелика беда.

— Эх, Братец Лин, не знаешь ты ещё, какво это — дом вести да подати платить. Видишь, старейшины сидят? Мы тут голову ломаем, как налоги в этом году собрать. Один только штраф за безбрачие чего стоит. Подушный налог считается ежегодно: две сотни вэней за один «счёт». Если гээр не вышел замуж в возрасте от пятнадцати до тридцати пяти лет, налог возрастает в пять раз. Пять «счетов» — это целая тысяча вэней! И это только одна статья расходов, а ведь есть ещё куча других сборов...

— Ну налог и налог, что в нём страшного? — Су Лин бесцеремонно перебил Ши, не давая тому начать загибать пальцы в подсчётах.

— Ладно, — вздохнул тот. — Упрямый ты, весь в отца. Если бы он тогда меня послушал...

Договорить главе деревни не дал негромкий кашель одного из старейшин. Староста хотел было сказать, что Ши Синсянь не ввязался бы в дела городских заправил и не погиб бы столь страшной смертью, но вовремя осёкся. Сосед бросил на него предупреждающий взгляд, мол, не стоит забивать голову ребёнку подобными вещами.

Однако Су Лин даже не заметил этого обмена знаками. Он был слишком потрясён тем, насколько суровым оказался налог на безбрачие. Отец никогда не заговаривал с ним о замужестве и уж тем более не упоминал о таких тратах.

Когда юноша пришёл в себя, староста уже вернул себе прежний невозмутимый вид и снова принялся неторопливо попыхивать трубкой.

— Тебе, я вижу, недосуг слушать стариковские речи о налогах. Что ж, не буду навязываться. Но то, что гээр держит раба — дурной пример для всей деревни. Иди-ка ты лучше в город и продай его.

Ши мельком взглянул на молчаливого спутника юноши.

— Говорят, этот раб раньше был тем ещё строптивцем, но ты, видать, сумел его приструнить. Если продашь его сейчас, глядишь, и выручишь несколько лишних лянов серебра.